

УДК 811.512.1

*А.Д. Каксин***ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДОРОГА, ПУТЬ» В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹**

Статья посвящена лексическим средствам репрезентации (вербализации, объективации) концепта «дорога, путь» в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Лексико-семантические варианты слов, составляющих ядро средств объективации концепта «дорога, путь», а также их отдельные коннотации, подтверждаются фразами разговорной речи и примерами из произведений художественной литературы, словарей и сборников фольклора хантыйского языка. Основная цель определялась стремлением подойти к языковому материалу с позиций когнитивистики: указать на ряд особенностей языкового воплощения искомого концепта как производных от «финно-угорского» способа познания окружающего мира. Язык при таком подходе рассматривается через призму человеческого восприятия. В центре внимания исследователей оказываются такие проблемы, как связь языка и сознания, языка и культуры нации. В связи с этим при изучении лексического значения слова особую роль играет репрезентация культурного фона. В антропоцентрическом аспекте слово понимается как единица языка, обладающая значением, выходящим за рамки словарной дефиниции. В содержательную структуру слова включается весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, разных дополнительных смыслов. При таком подходе значение слова не исчерпывается понятием, и наиболее «ёмкое» слово становится вершинным (для обозначения концепта).

Ключевые слова: концепты, языковая объективация, лексические средства, концепт «дорога, путь», финно-угорские языки, хантыйский язык.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-390-397

Введение

Естественный язык является плодом коллективной деятельности, и основные его свойства определяются единством человеческого сознания. Этот факт не противоречит тому, что в определенные периоды развития языка ряд явлений в нем возникает как результат «этнического» способа познания окружающего мира. Однако абсолютизировать эту обусловленность не стоит: она проявляется достаточно ограниченно. Говоря иначе, в языке выявляются лишь отдельные фрагменты, обусловленные специфическим (на уровне сознания) взглядом на мир. Лингвисты в этом плане довольно надёжно защищены от ухода в волюнтаризм: твёрдой основой их рассуждений (в том числе и о концептах) является учение о семьях языков, о происхождении родственных языков от бытовавшего в глубине тысячелетий одного языка-предка.

Лингвистами давно осознана необходимость изучения не только формального, но и семантического изменения языков, т. е. процессов, происходящих с элементами содержательного характера – идеями, смыслами, значениями. Несмотря на различные подходы к пониманию сущности семантических изменений, большинство учёных признает наличие и общих понятий (закономерностей, тенденций), и специфических явлений в процессе семантического развития языков. В частности, общим является метод создания новых слов путем образного переосмысления и метафоризации «старых слов», но различаются модели, по которым происходит данный процесс. К примеру, языки американских индейцев «совершенно чужды той метафоризации, которая насквозь пронизывает европейские языки... Суть этого принципа – пространственное представление непространственных отношений. Так, мы часто говорим о коротком отпуске и о длинных вечерах и зимах; называем кого-то круглым дураком, кого-то – круглым отличником... Американским индейцам совершенно чужд такой тип переносов, такое виденье мира» [21. С. 76].

Далее об этих языках сказано, что в этом отношении к названным языкам близки языки алтайской макро-семьи: в них также очень много образных и звукоподражательных слов [21. С. 76-77].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)» (№19-012-00080).

Таким образом, принципы вербального описания явлений окружающего мира могут достаточно сильно отличаться. В этой связи рассмотрим основные линии репрезентации концепта «дорога, путь» в хантыйском языке (и некоторых других финно-угорских языках). Известно, что данный концепт является одним из базовых в языковой картине мира и других народов, отличается особенной глубиной и емкостью.

Структура концепта «дорога, путь» в финно-угорских языках

Известно, что концепт «дорога, путь» представляет собой многогранную и очень сложную ментальную структуру. Сложна и причудлива история его складывания в современных финно-угорских языках.

Вначале – несколько слов об одном широком направлении современной лингвистики, когнитивном. Как известно, при этом подходе «формальная структура языка рассматривается как отражение законов категоризации и общей понятийной организации» [7. С. 313].

Именно поэтому, с позиций когнитивной лингвистики, интересно объяснить сходство и различие в семантической структуре финно-угорских языков, нюансы, связанные с репрезентацией концепта «дорога, путь». Другими словами, все ментальные структуры, для которых в языке вырабатываются специальные многообразные средства выражения (объективации), безусловно, признаются объектом изучения специалистов по когнитивной лингвистике. С другой стороны, и лингвистический взгляд в этом случае выступает как «компрессор»: он позволяет объединить данные смежных наук [6; 7. С. 314-315; 9. С. 91-92; 13. С. 296-301; 15].

В целом ряде работ финно-угорского языкознания также отчетливо выражена мысль о бытовании наиболее важных концептов еще в праязыке и постепенном их «разворачивании» в языках-потомках [1; 3-5; 12. С. 397-438; 14. С. 11-17; 19; 20. С. 85-86; 22. С. 3-7; 26. Р. 142-149].

В финно-угорских языках для выражения этих двух понятий существуют разные слова; в современных языках они произошли от разных корней: в финской ветви этой семьи – от корня *teje ‘дорога, путь’ [12. С. 427], в угорской – от корня *pitə ‘связывать, вдевать’ [12. С. 419]; ср. слова современных языков: финск. *tie* ‘дорога, путь’ [24. S. 266], эст. *tee*, коми *туй* ‘дорога, путь’ [12. С. 427], хант. *pánt* ‘дорога, путь; след; узор’ [16. С. 73], манс. *pant(s-)* ‘плоскость; шнырять’ [10. С. 77], венг. *pánt* ‘полоса; лента’ [2. С. 561]. Здесь интересно то обстоятельство, что угорское *pitə легко сопоставимо с индоевропейским *pont ‘дорога, путь’ (ср. в русском языке: Млечный путь, Геллеспонт; ср. в современном английском: *point* ‘место; пункт; суть’), и считается заимствованием из древних иранских языков.

Итак, концепт «дорога, путь» по-разному реализуется в финно-угорских языках (отличаются первоначальные древние корни, от которых исходят современные языки); при этом семантические различия – незначительные. По крайней мере, в одном аспекте финно-угорские языки схожи: на базе прямых значений развиваются переносные, связанные с мысленным представлением дороги как некой прямой линии. А от представления о линии – уже легко перейти к таким понятиям, как ‘жизненный путь’, ‘способ решения’. Некоторые финно-угорские языки идут также методом конкретизации: линия в них “заземляется ~ искривляется”, и потому в этих языках древний корень *pitə (*teje*) получает прежде всего значение ‘след’; в хантыйском языке даже – ‘узор’:

pánt (Trj. Irt.: DN Fil. KoP Koš. Kr. Tš.), Ni. Š Kaz. *pánt*, Ahl. PB *pant* дорога, Weg; Pfad, Jagdpfad; Spur, Spur ein Tieres; Streifen ein Erdschicht, der am Steilufer zu sehen ist; Zierstreifen an der Kleidung, z. B. am Rentierpelz, breiterer Streifen; Fett des Bären [25. S. 1180-1181].

Анализ материала, представленного в словарях финно-угорских языков, дает следующий список значений слова «дорога, путь»: дорога, путь; полоса, линия; тропа, тропинка; следы, цепь следов; маршрут; строка, строчка; способ; направление; жизненный путь; судьба, рок. Следует подчеркнуть, что данный перечень – это потенциальный максимум; в отдельных языках он представлен сокращенным вариантом. Иными словами, схема развертывания концепта «дорога, путь» лишней раз подтверждает мысль о многообразии тех возможностей, которыми располагают человеческие языки для своего развития и совершенствования, а тем самым и для расподобления [21. С. 76-77].

Вместе с тем верно и другое: если языки являются родственными, больше вероятности, что и в типологическом плане в каком-либо сегменте своего развития, формального или семантического, они изберут одну «дорогу». И проанализированный нами материал говорит именно об этом: линии семантического развития у генетически разных языков часто бывают схожи. Сложность семантической

структуры языковой единицы с основным значением подтверждают данные нормативных словарей, словарей разговорной речи, профессионального лексикона и лексических инноваций.

В большинстве финно-угорских языков, как видим, в первую очередь объективируется коннотация-прототип: *дорогой* называется конкретное, наблюдаемое физическое явление (*дорога* как вытоптанная полоса земли, уходящая вдаль). То же самое, особенно в переносном значении, воспринимается как образ действий, способ существования.

Наконец, попадая в иной контекст, искомое слово становится образным (метафорическим, художественным), приобретает значение 'стезя; судьба; рок'. Впрочем, в этом случае можно говорить о возникновении нового слова – семантического омонима. Другими словами, уже в древности, в период бытования прафинно-угорского языка, были заложены линии семантического развития звуковой цепочки *teje / tie*.

В большинстве современных финно-угорских языков эти два понятия заключены в одной лексеме *teje / tie*, характеризующейся определёнными фонетическими соответствиями. Как известно, те строгие соответствия, которые получает в разных финно-угорских языках фонема /i/, дают очень наглядную картину родства и расхождения языков. Особенно часто в качестве образцового примера приводят звучание первого гласного в словах с семантикой 'камень': *kivi, kev, kuvi, küv*. Разумеется, что и слово со значением 'дорога' подтверждает эту закономерность звукового соответствия финно-угорских языков: *teje > tie* (фин.), *tee* (эст.), *tuj* (коми), *tüj* (коми-язьв.) и т.д.

В ряде финно-угорских языков современное слово со значением 'дорога, путь' произошло от другого древнего корня: предположительно от *šärэ- 'расстиляться' или *saje- 'приходить'. Ср.:

расстиляться, расширяться: *šärэ- > к. *šergöd-* 'раскинуть', 'распростереть', 'раздвинуть', 'раскрыть', х. *legəmt-* 'разостлать', мс. *taramt-* 'разостлать, развернуть', *tārat-* 'пустить', в. *ered-* 'возникнуть; отправиться', *ereszt-* 'пустить, отпустить' [12. С. 419].

приходить: *saje- > ф. *sa-* 'получать'; 'добиться'; 'мочь', 'иметь', *saavutta-* 'достигать', 'догонять', эс. *sa-* 'становиться'; 'получать'; 'мочь'; 'хватать', э. м. *sa-*, *cae-* 'прийти', 'приехать', мр. *шоа-*, *шуа-* 'доходить', 'доехать'; 'достигать', 'стать', 'заводить'; 'зреть', у. *суты-* 'догнать', к. *су-* 'заставать', 'застигать', 'настигать', 'постигать' [12. С. 430].

Таким образом, обозначение дороги как расстиляющейся полосы земли, используемой для хождения, существовало уже на первых этапах развития языка-предка. Для показа образцов дальнейшего семантического развертывания искомого концепта возьмем данные, к примеру, удмуртского языка. В удмуртском языке у соответствующего слова отмечается два основных значения (которые, в свою очередь, имеют лексико-семантические варианты):

сюрес дорога, путь; стезя ... **пытсэто сюрес** тупик; **садо пичи сюрес** аллея; **шонерлыко сюрес** рел. стезя правды ◊ **ас сюрести мыныны** идти своей дорогой; **котыр сюрес – вёё сюрес** погов. обходный путь – верный путь; **сюрес вылын боды но эш** погов. в дороге и палка друг; **сюрес нуоз, кыл вуттоз** погов. язык до Киева доведёт (*букв.* дорога поведёт, язык доведёт); **сюреслэн пумаз уд вуы** погов. всех дорог не обойдёшь ... [18. С. 629].

Таким образом, в финно-угорской языковой картине мира в рамках концепта, основывающегося на слове *tie / pänt* 'дорога, путь', проявляется целый ряд близких смыслов, исходящих из представления о чем-то протяженном (о линии, полосе), уходящем вдаль. В определенных контекстах это содержание может переосмыслиться во временном плане: дорога как пространственный объект превращается в линию поведения, жизненный путь. Косвенным образом в этом проявляется синкретизм пространства и времени в мышлении древнего человека (его отголоски обнаруживаются также в современных языках).

Содержание концепта *pänt* «дорога, путь» в хантыйском языке

«Семантическое пространство» слова *pänt* предполагает преимущественно линию на местности и направление: туда – сюда, вперёд – назад. В структуру данной концептуальной сферы включаются также сложные слова и словосочетания, например, «звериная тропа», «тропинка», «следы на болоте», «тротуар» и т.д. Таким образом, компонента «движение и его направление» превалирует в семантической структуре ядерного компонента концепта «дорога, путь» в хантыйском языке. Но если детально анализировать тексты с *pänt* на хантыйском языке, обнаруживаются и другие возможности объективации искомого концепта: ассоциативно в сознании возникают образные представления о дороге.

Примеры:

Ситлан лув ампал вохсалэ па си вульлал манум **пáнт** хуват вэнта си шэшмас [17. С. 13] ‘Тут он позвал своих собак и *по дороге, по которой ушли олени*, в лес пошagal’.

Антэм па *Петр мáнум пáнт* хуват сэмнал пуныйллалэ па хув ситы вантман, па еллы путармал [8. С. 14] ‘То посмотрит *на путь, по которому уехал Петр*, и после долгого всматривания начинает опять говорить’.

Микай ики *уса пáнт* хуват хэсла вэс [8. С. 15] ‘Старик Микай *всю дорогу* молчал’.

– Па нын там йиңкаң пелак кератлатн, вэнтаң пелак кератлатн, хулты муй ханты вэлты мув, *ханты яңхты пáнт* ан пелы мутшийллатн? [17. С. 17] ‘А вы двое, водную сторону обходите, лесную сторону обходите, где-нибудь людьми населенную землю, *людьми хоженые пути* не замечали ли?’

Нэмасмал лэлаң мулты сюхлаң **пáнтан** аңтал тывас [8. С. 15] ‘Переживал: как бы чего *в пути* не случилось’.

Лўв яха вэлты ястум Марияйл пила хánшащты пáта **пáнта** еслáйцáс [23. С. 36] ‘Он с супругой своей, Марией, для прохождения переписи *в дорогу* пустился’.

В большинстве приведенных примеров **пáнт** выступает в своём прямом значении: обозначается «дорога» как полоса, предназначенная для передвижения. Что является ‘средством передвижения’, а также другие особенности движения (нахождения в пути), – все это вытекает из контекста.

Следует особо подчеркнуть, что в речи ханты, а также в произведениях хантыйского устного народного творчества, часто соседствуют такие понятия как «дорога» и «река». Вокруг этих двух взаимосвязанных понятий традиционной жизни ханты издавна формируются ментальные структуры, важные для мировоззрения северных народов. Стремление к их особому выделению, подчеркиванию их связи прослеживается в содержании и строе хантыйских пословиц, поговорок, загадок:

Сот хор, сюрс хор хохлум лантанг Ас, хуланг Ас па пелка сорненг куняр, вуханг куняр талас-мал. (*Ай вой пáнт*) [11. С. 4] ‘На другой берег полноводной, богатой рыбой реки, где бегали стада оленей, золотая мошка, серебряная мошка прошла. (*Следы мыши*)’.

Похланг антуп аснган, лорнган шопи. (*Посанг пáнт*) [11. С. 8] ‘Через реки и озера тянется пояс, украшенный пуговицами. (*Дорога с вехами*)’.

Преимственность между древними и современными финно-угорскими языками наблюдается в последовательной реализации принципа образного переосмысления представлений о предметах окружающего мира: создается слово для предмета – оно же в результате семантического сдвига начинает применяться при характеристике человека, его признаков (свойств) и действий. В случае с *tie / pánt* происходит то же самое расслоение семантической основы: конкретизация понятия дороги как проторенной на местности колеи приводит к логическому завершению этой семантической линии: “путь хождения” – “жизненный путь (человека)”.

Очевидно, что сочетание древних языков ‘бог судьбы’ следует трактовать именно в этом смысле: для каждого человека, сразу после рождения, определяется его судьба, характер, род занятий. В обрядовой практике многих народов существует обряд «определения судьбы» новорожденного. Такой обряд зафиксирован и у ханты. По всей видимости, уже в первые периоды своего существования традиционное общество отличалось достаточной степенью социальной дифференциации (которая, безусловно, с течением времени только усиливалась).

Заключение

Итак, мы рассмотрели лексические средства объективации концепта «дорога, путь», их роль в выражении специфики хантыйской языковой картины мира. Данный концепт является одним из базовых в языковой картине мира и других народов, отличается глубиной и емкостью. Он занимает одно из центральных мест в идиоматической картине мира ханты.

Содержательная структура искомого концепта складывается из нескольких компонентов: полоса / линия (прямая или извилистая); способ (преодоления); маршрут / путь; образ поведения / образ жизни. Базовый компонент – слово **пáнт** «дорога, путь» – относится к числу тех единиц, появление которых обусловлено особенностями культуры лесных народов и этнического взгляда на мир.

В языковом сознании носителей хантыйского языка **пáнт** «дорога» воспринимается как многомерная структура, включающая образные, понятийные и ценностные аспекты, например, «дорога – пространство», «дорога – жизнь», «дорога – это прожитые годы», «дорога – это сфера деятельности человека» и др. Подобными же структурными моделями характеризуется данный концепт и в других финно-угорских языках. Данный концепт рассматривается как сопряженный с концептами «путеше-

ствие», «жизненный путь», «судьба», в более широкой перспективе – также с концептом «пространство» [14. С. 8-18].

Изучение концептов, как представляется, является одним из направлений когнитивной лингвистики. Об этом говорит то обстоятельство, что в работах по концептам просматривается логика исследования, подобная тем, что свойственна другим направлениям когнитивной лингвистики [7. С. 314-315].

Одним из самых важных является вывод о том, что разворачивание концептов в языке происходит постепенно, при этом в каждом языке семьи – своеобразно. Есть и общее: сначала изменяется презентация важнейших идей, заложенных уже на первых этапах зарождения и развития языка-предка. Безусловно, при этом имеют значение контакты, взаимодействие с соседними языками: и в те далёкие времена, там, в глубине тысячелетий, любой отдельный, т. е. отделившийся от общего корня, язык не мог развиваться без взаимодействия с другими языками – и родственными, и не родственными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А., Безносикова Л.М. О некоторых народных космониках и астрониках в коми языке // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. Выпуск 2 (14). С. 96-100.
2. Венгерско-русский словарь. Ок. 35000 слов. Издание 4 / М. Кахана. М.: Советская энциклопедия, 1964. 856 с.
3. Владыкина Т.Г. Лингво-фольклорные метаморфозы бога-творца в религиозно-мифологической картине мира удмуртов // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сборник материалов. М.; Ижевск: Институт этнологии и антропологии РАН, 2017. С. 116.
4. Игушев Е.А. Применение данных финно-угроведения в школе. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2006. 164 с.
5. Кельмаков В.К. Об источниках обогащения синонимии удмуртского языка // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): Материалы VIII Международного симпозиума “Языковые контакты Поволжья” / отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2011. С. 31-39.
6. Крейдлин Г.Е. Типология русских походов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. С. 196-206.
7. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 399 с.
8. Лазарев Г.Д. Сорненг тов / Золотой конь. Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1999. 36 с.
9. Манаенко Г.Н. Значение слова в свете лингвокогнитологии: методологический аспект // Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 22-24 мая 2014 г. / отв. ред. Е.И. Голованова. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2014. С. 89-92.
10. Мансийско-русский словарь. С лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта / А.Н. Баландин, М.П. Вахрушева. Л.: Учпедгиз, 1958. 226 с.
11. Методические рекомендации по использованию хантыйских загадок / Упр. образования Ханты-Манс. окрисполкома / сост. Е.А. Немысова. Ханты-Мансийск, 1990. 18 с.
12. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
13. Плулган В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
14. Полякова Н.В. Особенности вербализации концепта «пространство» в селькупском языке в сопоставлении с русским. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Томский государственный педагогический университет. Томск, 2004. 19 с.
15. Пушина Н.И. Роль лингвистики в обеспечении единства филологии как науки о языке // Филология на рубеже XX-XXI веков: тезисы международной научной конференции, посвященной 80-летию Пермского университета (19-22 ноября 1996 г.) / [редкол.: Т.И. Ерофеева (гл. ред.) и др.]. Пермь, 1996. С. 72-73.
16. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект). Ок. 4000 слов / С.П. Кононова. СПб.: «Просвещение», 2002. 216 с.
17. Сенгепов А.М. Касум ики путрат / Рассказы старого ханты. СПб.: «Просвещение», 1994. 175 с.
18. Удмуртско-русский словарь. Ок. 50000 слов / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН / отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
19. Цыганкин Д.В. Лексико-семантическое словообразование // Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. Часть пятая. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2015. С. 233-234.
20. Цыпанов Е.А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар: Издательство «Кола», 2008. 216 с.

21. Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992. 92 с.
22. Этимологиянь валкс / Д.В. Цыганкин, М.В. Мосин. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2015. 228 с.
23. Ilouutinen kaikille kansoille: Jouluevankeliumi Luukkaan mukaan seitsemällätoista suomensukuisella kielellä. Helsinki: Raamatunkäännösintituutti, 2000. 48 s.
24. Jelisejev Ju. Gummeruksen suomi venäjä suomi sanakirja / Финско-русско-финский словарь. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1999. 430 s.
25. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966-1991. 1560 s.
26. Söder T. "Walk This Way": Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 33. 154 pp.

Поступила в редакцию 27.03.2019

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 92
E-mail: adkaksin@yandex.ru

A.D. Kaksin

LEXICAL MEANS OF REPRESENTATION OF A CONCEPT "ROAD, WAY" IN THE KHANTY LANGUAGE

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-390-397

The article is devoted to lexical means of representation (verbalization, objectivization) of a concept "Road, Way" in the Khanty language (on material of a Kazym-dialect). Lexical-semantic options of the words which are the center of means of representation of a concept "Road, Way" and also their separate connotations are confirmed by phrases of informal conversation and examples from works of fiction, dictionaries and collections of folklore of the Khanty language. The main objective was defined by the aspiration to approach language material from cognitive science positions: to point to a number of features of the language embodiment of a required concept as derivatives of a "Finno-Ugric" way of knowledge of the world around. Language at such approach is considered through a prism of human perception. Such problems as communication of language and consciousness, language and the culture of the nation come under the spotlight of researchers. In this regard when studying a lexical meaning of a word the special role is got by representation of a cultural background. In anthropocentric aspect a word is understood as a language unit having the value which is beyond a dictionary definition. The substantial structure of a word joins all stock of linguistic and extra-linguistic data, associations, and diverse meanings. At such approach the word meaning is not limited to the concept, and the most "capacious" word becomes topmost (to denote the concept).

Keywords: concepts, language representation, lexical means, concept "Road, Way", Finno-Ugric languages, Khanty language.

REFERENCES

1. Ajbabina E.A., Beznosikova L.M. O nekotoryh narodnyh kosmonimah i astronimah v komi yazyke [About some national names of space bodies in the Komi language] // Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN. 2013. Vypusk 2 (14). S. 96-100 [News of Komi of scientific center of the Ural office of RAS. 2013. Vol. 2 (14). Pp. 96-100]. (In Russian).
2. Vengersko-russkij slovar' [Hungarian-Russian dictionary]. Ok. 35000 slov. Izdanie 4 / M. Kahana. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1964. 856 s. [About 35000 words. Edition 4 / M. Kahana. Moscow: Soviet Encyclopedia publishing house, 1964. 856 p.]. (In Hungary and Russian).
3. Vladykina T.G. Lingvo-fol'klornye metamorfozy boga-tvorca v religiozno-mifologicheskoy kartine mira udmurtov [Linguistic-folklore metamorphoses of god creator in a religious and mythological picture of the world of Udmurts] // Missiya antropologii i ehtnologii: nauchnye tradicii i sovremennye vyzovy: sbornik materialov. M.; Izhevsk: Institut ehtnologii i antropologii RAN, 2017. S. 116. [Mission of anthropology and ethnology: scientific traditions and modern calls: collection of materials. Moscow; Izhevsk: Institute of ethnology and anthropology of RAS, 2017. P. 116]. (In Russian).

4. Igushev E.A. Primenenie dannyh finno-ugrovedeniya v shkole [Application of data of Finno-Ugric linguistics at school]. Hanty-Mansijsk: Yugorskij gosudarstvennyj universitet, 2006. 164 s. [Khanty-Mansiysk: Yugra State University, 2006. 164 p.]. (In Russian).
5. Kel'makov V.K. Ob istochnikah obogashcheniya sinonimiki udmurtskogo yazyka [About sources of enrichment of synonymy of the Udmurt language] // Yazyki, literatura i kul'tura narodov poliehtnicheskogo Uralo-Povolzh'ya (sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya): Materialy VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma "Yazykovye kontakty Povolzh'ya" / otv. red. R.A. Kudryavceva. Yoshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2011. S. 31-39. [Languages, literature and culture of the people of the multiethnic Uralo-Volga region (current state and prospects of development): Materials VIII of the International symposium "Language contacts of the Volga region" / ed. R.A. Kudryavtseva. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2011. Pp. 31-39]. (In Russian).
6. Krejdlin G.E. Tipologiya russkikh pohodok [Typology of the Russian styles of walking] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2017. S. 196-206. [Computational linguistics and intellectual technologies. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2017. Pp. 196-206]. (In Russian).
7. Krongauz M.A. Semantika [Semantics]: Uchebnik dlya vuzov. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2001. 399 s. [The textbook for higher education institutions. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2001. 399 p.]. (In Russian).
8. Lazarev G.D. Sorneng tov / Zolotoj kon' [Gold horse]. Rasskaz na yazyke hanty. Hanty-Mansijsk: GUIPP «Poligrafist», 1999. 36 s. [The story in the Khanty language. Khanty-Mansiysk: GUIPP "Printer", 1999. 36 p.]. (In Khanty)
9. Manaenko G.N. Znachenie slova v svete lingvokognitologii: metodologicheskij aspekt [A word meaning in the light of linguistics and cognitive science: methodological aspect] // Yazyk, poznanie, kul'tura: metodologiya kognitivnyh issledovanij: materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike. 22-24 maya 2014 g. / otv. red. E.I. Golovanova. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. S. 89-92. [Language, knowledge, culture: methodology of cognitive researches: materials of the International congress on cognitive linguistics. On May 22-24, 2014 year / ed. E.I. Golovanova. Chelyabinsk: Publishing house of the Chelyabinsk State University, 2014. Pp. 89-92]. (In Russian).
10. Mansijsko-russkij slovar'. S leksicheskimi parallelyami iz yuzhno-mansijskogo (kondinskogo) dialekta [Mansi-Russian dictionary. With lexical parallels from the southern Mansi (kondinsky) dialect] / A.N. Balandin, M.P. Vahrusheva. L.: Uchpedgiz, 1958. 226 s. [A.N. Balandin, M.P. Vahrusheva. Leningrad: Educational-pedagogical publishing house, 1958. 226 p.]. (In Mansi and Russian).
11. Metodicheskie rekomendacii po ispol'zovaniyu hantyskikh zagadok [Methodical recommendations about use of the Khanty riddles] / Upr. obrazovaniya Hanty-Mans. okrispolkoma / sost. E.A. Nemysova. Hanty-Mansijsk, 1990. 18 s. [Department of education of the Khanty-Mansi district executive committee / originator: E.A. Nemysova. Khanty-Mansiysk, 1990. 18 p.]. (In Khanty and Russian).
12. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Questions of origin and development of Finno-Ugric languages]. M.: Nauka, 1974. 484 s. [Moscow: Science, 1974. 484 p.]. (In Russian).
13. Plungyan V.A. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General morphology: Introduction to a perspective]: Uchebnoe posobie. M.: Ehditional URSS, 2000. 384 s. [Manual. Moscow: Editorial of URSS, 2000. 384 p.]. (In Russian).
14. Polyakova N.V. Osobennosti verbalizacii koncepta «prostranstvo» v sel'kupskom yazyke v sopostavlenii s russkim [Features of verbalization of a concept 'space' in the Selkup language in comparison to Russian.]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20 / Tomskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Tomsk, 2004. 19 s. [The abstract of the thesis for a degree of Candidate of Philology: 10.02.20 / Tomsk State Pedagogical University. Tomsk, 2004. 19 p.]. (In Russian).
15. Pushina N.I. Rol' lingvistiki v obespechenii edinstva filologii kak nauki o yazyke [Linguistics role in ensuring unity of philology as sciences about language] // Filologiya na rubezhe XX-XXI vekov: tezisy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu Permskogo universiteta (19-22 noyabrya 1996 g.) / [redkol.: T.I. Erofeeva (gl. red.) i dr.]. Perm', 1996. S. 72-73. [Philology at a turn of the 20-21st centuries: theses of the international scientific conference devoted to the 80 anniversary of the Perm university (on November 19-22, 1996) / [an editorial board: T.I. Erofeeva (editor-in-chief) and others]. Perm, 1996. Pp. 72-73]. (In Russian).
16. Russko-hantyskij tematiceskij slovar' (kazymskij dialekt) [Russian-Khanty thematic dictionary (kazymsky dialect)]. Ok. 4000 slov / S.P. Kononova. SPb.: "Prosveshchenie", 2002. 216 s. [About 4000 words / S.P. Kononova. St. Petersburg: "Education", 2002. 216 p.]. (In Russian and Khanty).
17. Sengepov A.M. Kasum iki putrat / Rasskazy starogo hanty [Stories by the old Khanty]. SPb.: "Prosveshchenie", 1994. 175 s. [St. Petersburg: "Education", 1994. 175 p.]. (In Khanty).
18. Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt-Russian dictionary]. Ok. 50000 slov / Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN / otv. red. L.E. Kirillova. Izhevsk, 2008. 925 s. [About 50000 words / Udmurt institute of history, language and literature of the Ural office RAS / ed. L.E. Kirillova. Izhevsk, 2008. 925 p.]. (In Udmurt and Russian).

19. Cygankin D.V. Leksiko-semanticheskoe slovoobrazovanie [Lexical-semantic word formation] // Cygankin D.V. Mordovskie yazyki glazami lingvиста-finnougroveda. Chast' pyataya. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2015. S. 233-234. [Tsygankin D.V. Mordovian languages Finno-Ugric linguist eyes. Part fifth. Saransk: Publishing house of the Mordovian University, 2015. Pp. 233-234]. (In Russian).
20. Cypanov E.A. Sravnitel'nyj obzor finno-ugorskih yazykov [Comparative review of Finno-Ugric languages]. Syktyvkar: Izdatel'stvo "Kola", 2008. 216 s. [Syktyvkar: Kola publishing house, 2008. 216 p.]. (In Russian).
21. Cheremisina M.I. Yazyki korennyh narodov Sibiri [Languages of indigenous people of Siberia] / Novosibirskij gosudarstvennyj universitet. Novosibirsk, 1992. 92 s. [Novosibirsk State University. Novosibirsk, 1992. 92 p.]. (In Russian).
22. Ehtimologiyan' valks [Etymological dictionary] / D.V. Cygankin, M.V. Mosin. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2015. 228 s. [D.V. Tsygankin, M.V. Mosin. Saransk: Publishing house of the Mordovian university, 2015. 228 p.]. (In Erzja, Moksha and Russian)
23. Ilouutinen kaikille kansoille: Jouluevankeliumi Luukkaan mukaan seitsemällätoista suomensukuisella kielellä [Very good news for all nations: Christmas gospel according to Luke seventeen Finnish-Ugric language]. Helsinki: Raamatunkäännösinstituutti, 2000. 48 s. [Helsinki: Institute of the translation of the Bible, 2000. 48 p.]. (In Finnish and other Finno-Ugric languages).
24. Jelsejev Ju. Gummeruksen suomi venäjä suomi sanakirja / Финско-русско-финский словарь [Finnish-Russian-Finnish dictionary]. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1999. 430 s. [Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Ltd, 1999. 430 p.]. (In Finnish and Russian).
25. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache [Dialectological and etymological dictionary of the Khanty language]. Berlin: Akademie-Verlag, 1966-1991. 1560 s. [Berlin: Academy publishing company, 1966-1991. 1560 p.]. (In German and Khanty).
26. Söder T. "Walk This Way": Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 33. 154 p. [Works of the University of Uppsala. Studying of the Ural languages in Uppsala. Vol. 33. 154 p.] (In English).

Received 27.03.2019

Kaksin A.D., Doctor of Sciences (Philology), leading researcher of Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology
Katanov Khakass State University
Lenina st., 92, Abakan, Russia, 655017
E-mail: adkaksin@yandex.ru